

Глава 530: Пойман

Услышав слова Чэнь Чаншэна, Сюй Южун ошеломленно сидела у окна некоторое время, не зная, как ответить.

В Равнинах Незаходящего Солнца они вместе испытали ситуации жизни и смерти, стояли бок о бок и спиной к спине, а также смахивали снег, так что они давным-давно получили понимание чувств друг друга. Только вот она не знала, что он был юным мальчиком-даосистом из деревни Синин, так что, покинув Сад Чжоу, она тоже думала о сделанном ему обещании и собиралась разорвать помолвку. Но затем Дворец Ли заявил миру, что Бассейн Мечей явил себя, и многие люди увидели мечи из него. Сделав несколько сравнений, она наконец-то подтвердила, что это был он, наконец-то осознав, что судьба играла с сердцами людей, даже сыграв с ней такую шутку.

Но разве это имело какое-то значение? Если он был ним, она отчетливо понимала, чего желала. На Мосту Беспомощности и сидя у кана, ужиная, она ждала, пока он скажет кое-что, но он все никак не говорил этого. Лишь сейчас, в такой поздний час, он необъяснимо появился у ее окна и произнес эти необъяснимые слова.

Ладно, это действительно было подобно его пути меча.

Как и путь меча Ван По, который был очень прямым.

Он своими словами прямо пронзил оконную бумагу перед ней и вернул ее к Божественному Пути Мавзолея Чжоу.

Сюй Южун встала и посмотрела на его фигуру через окно, а затем протянула руку, чтобы открыть окно.

Ветер ударял снежинки, и они падали на ее лицо с небольшой прохладой.

«Дилун слишком горячий, комната немного теплая» (прим.пер. Дилун 地龍, дракон пола/земли, это вариация кана, в которой каналы под полом проводят тепло в комнату от источника тепла, находящегося в другом месте).

Она смотрела на Чэнь Чаншэна и говорила это, делая вид, что это было причиной того, почему она открыла окно и встретила с ним, но она не заметила, что это объяснение было довольно милым.

Чэнь Чаншэн смотрел на ее лицо, не замечая нервозности, которую она показывала, давая это объяснение, которое привело к этой миловидности. Он просто считал, что она была довольно милой.

«Я просто стоял снаружи и мне показалось, что было немного жарко», - искренне сказал юноша.

В настоящее время была глубокая зима, глубокая ночь, погода была холодной, земля - замерзшей, а снежинки танцевали в воздухе.

«Как долго ты стоял тут?» - Сюй Южун спросила, глядя на снег на его теле.

Чэнь Чаншэн задумался об этом, а потом покачал головой: «Я забыл».

Сюй Южун спросила: «Почему ты просто не вошел?»

Чэнь Чаншэн ответил: «Я боялся потревожить твой отдых, и... Шуан'эр тоже должна быть здесь, верно? Я волновался, что она увидит нас и скажет что-то».

Сюй Южун спросила: «Тогда хочешь ли ты войти сейчас?»

Чэнь Чаншэн ответил: «Нет надобности, я пришел... потому что есть что-то, что я хочу дать тебе».

Говоря это, он снял браслет каменных жемчужин с запястья и аккуратно разорвал его. Затем он просунул руку в окно и сказал: «Их всего десять. Выбери пять».

По правде говоря, он давным-давно забыл, что между ними не было согласия делить сокровища Мавзолея Чжоу. Он просто верил, что это было лишь верно и правильно, так как они обнаружили Мавзолей Чжоу вместе, то все, что они нашли в Мавзолее Чжоу, должно быть разделено поровну, будь это Стилль Разделяющего Клинка или эти десять каменных жемчужин.

«Это... - заинтересованный голос Сюй Южун вдруг остановился и она подняла голову, чтобы посмотреть на юношу и сказать несколько скептическим голосом, - это те десять... что были вокруг Мавзолея Чжоу?»

Если бы это был какой-то другой эксперт, даже такой Префект Ортодоксии, как Линхай Чживан, он не смог бы увидеть ничего странного в этих на вид обычных каменных жемчужинах, потому что это каменные жемчужины вовсе не излучали ци. Однако, она начала изучать Монолиты Небесных Томов, когда ей было чуть более десяти, и она лично видела эти Монолиты Небесных Томов в Саду Чжоу, так что она, естественно, могла почувствовать, что с ними что-то было не так.

«Да, - Чэнь Чаншэн взглянул на нее и сказал, - Сад Чжоу не исчез. Если ты хочешь вернуться туда и взглянуть, я могу взять тебя с собой».

Он не описал это, как 'вход в Сад Чжоу', вместо этого спросив, хотела ли она вернуться. Потому что для него и нее Сад Чжоу действительно был слишком важным.

Услышав, что Сад Чжоу не рухнул, и он даже мог войти в него, Сюй Южун была поражена.

Но действительно важными все еще были каменные жемчужины в его ладони.

Она серьезно спросила его: «Ты и правда планируешь дать их мне?»

Чэнь Чаншэн серьезно ответил: «Без тебя я бы уже был мертв, и тогда как бы я возможно смог обнаружить Мавзолей Чжоу, не говоря уже про Бассейн Мечей?»

Сюй Южун подумала об этом, а затем наугад выбрала пять каменных жемчужин и стремительно спрятала их во Дворец Тун.

Ей показалось, что у аргумента Чэнь Чаншэна был смысл, так что она очень спокойно приняла их, как мягкий ветер и неясные облака, верно и правильно, открыто и прямо.

То, чем Чэнь Чаншэн больше всего восхищался, и за что любил ее, это за этот темперамент.

«Тогда я пойду».

Войти во дворец снежной ночью, увидеть открытое окно, увидеть ее, и даже дать ей каменные жемчужины - все, что должно быть сделано, было сделано, а теперь, естественно, пришло его время возвращаться. Это было то, что подразумевалось под приходом в приподнятом настроении, но уходом при потере интереса, так называемой элегантностью выдающегося ученого... но он был юношей, а не выдающимся ученым, так что, хоть он и сказал, что уходит, его ноги не двигались.

Сюй Южун сказала: «Возвращайся первым».

Чэнь Чаншэн подтвердил, но его ноги все еще не двигались, и он все еще ничего не делал, продолжая смотреть на нее.

Она немного развернулась, как будто хотела избежать его взгляда, но в действительности она высывалась из окна.

Чем ближе она была к нему, тем больше он нервничал.

Девушка протянула руку и стряхнула снег с его плеча, как и убирала листья с его плеча на Божественном Пути.

Это действие было очень нежным, очень спокойным, очень знакомым ему, очень сдержанным.

Бумага окна давным-давно была пронзена, даже окно было открыто, но ему все еще требовалось окончательное подтверждение.

Действие смахивания снега было этим подтверждением.

Чэнь Чаншэну показалось, как будто его отсеченные меридианы все были исцелены, а его тело было переполнено жизненной энергией. Пока он смотрел на нее, его глаза сияли светом.

Сюй Южун не смотрела ему в глаза, вместо этого глядя вдаль в снежную ночь, чувствуя, что ее лицо было немного горячим. Она мягко прошептала: «Я хочу завтра прийти в Ортодоксальную Академию и осмотреться».

У Чэнь Чаншэна более не было колебаний, он развернулся и ушел в снежную ночь.

Он был уверен, что определенно сможет заснуть в этот раз.

.....

.....

Чэнь Чаншэн проснулся в пять утра, потратил время пяти вдохов, чтобы стабилизировать свой разум, а затем открыл глаза. Умыв лицо, почистив зубы, и накинув одежду, он отправился на пробежку вокруг озера.

Если посчитать, то он не спал и четырех часов. Что странно, он был переполнен энергией, и у него не было черных мешков под глазами, которые часто были под глазами Танга Тридцать Шесть, а его ступни, как казалось, переносились ветром.

Пока шло время, все больше и больше студентов начинало бежать вдоль берега озера, но ни один из них не был быстрее юноши, и он иногда обгонял их на целый круг. Когда эти студенты, которых он обгонял, видели его, они поспешно кланялись.

Каким бы молодым он не был, он все еще был директором, не говоря уже о том факте, что прошлой ночью его утвердили, как кандидата стать Попом. Как результат, студенты были еще более почтительными, чем обычно.

С другой стороны, юноша не видел какой-то разницы. Он спокойно возвращал приветствия с еще большим терпением, чем обычно.

Завтраком, который подавали в маленьком кафетерии напротив озера, была каша золотого проса, но он не мог почувствовать разницу между ней и обычной кашей из проса. Но даже, когда Сюаньюань По взял Меч Горного Моря из кучи дров и размахивал им перед юношей, говоря, как он, практикуясь прошлой ночью, преуспел в привлечении грома и молнии, Чэнь Чаншэн не смог увидеть различий в Мече Горного Моря в сравнении с тем, когда тот впервые появился из Бассейна Мечей в Саду Чжоу.

Короче говоря, он был довольно рассеянным. Время от времени его взгляд устремлялся к направлению Имперского Дворца.

«Ты не болен, верно?» - спросил Танг Тридцать Шесть, зевая.

Чэнь Чаншэн пришел в свои чувства и, видя черные мешки под глазами Танга Тридцать Шесть, парировал: «Я думаю, что ты можешь быть болен».

Танг Тридцать Шесть злобно подумал: «Если бы не тот факт, что я приглядывал за тобой полночи, но сильно устал и заснул в снегу, как бы я мог быть таким обессиленным сейчас».

Чэнь Чаншэн смотрел в направлении Имперского Дворца, потому что она прошлой ночью сказала, что хотела прийти, и он ждал ее.

Конечно же, он хотел рассказать историю отношений между ним и Сюй Южун другим, особенно своим друзьям.

Танг Тридцать Шесть всегда был его лучшим душевным другом, но Сюй Южун сказала, что не хотела, чтобы он рассказывал другим, так что юноша лишь мог сдерживаться.

Он умыл лицо после завтрака и снова почистил зубы, переоделся в чистый набор одежды, и встал у окна, ожидая.

Лишь потому, что он обычно был одержим чистотой, это не привлекло внимания остальных людей Ортодоксальной Академии.

После ожидания в течение некоторого времени он услышал крик журавля издалека.

Юноша последовал крику журавля, и не прошло много времени, когда он увидел Белого Журавля глубоко в зимнем лесу, а также ее, сидящую на журавле.

Сюй Южун все еще была одета в ту большую хлопковую куртку со вчера, но из-за этого она не казалась грубой. Вместо этого, она давала теплое и нежное впечатление.

Вероятно, потому что она не хотела, чтобы другие видели, она использовала тайную технику Храма Южного Потока, чтобы сделать свою внешность более простой, как и делала в Саду Чжоу.

Видя ее обычное и посредственное лицо, Чэнь Чаншэн не отчаивался, а наоборот почувствовал

себя ближе к ней.

Возможно, именно эта близость позволила ему вернуть желание обычных бесед с ней, как и в Саду Чжоу.

Он осмотрел большую хлопковую куртку, из-за которой она казалась особенной милой, и сомневаясь в течение некоторого времени, собрал храбрость, чтобы сказать несколько слов.

«У говяжьих ребрышек очень сильный запах. Не хочешь ли переодеться в новый набор одежды? Может быть, сначала я дам тебе что-то из своего и помогу тебе со стиркой твоей?»

Сюй Южун ошеломленно уставилась на него, а затем действительно разозлилась, чувствуя стыд, и начала разворачиваться и идти к Белому Журавлю.

Чэнь Чаншэн быстро пришел в свои чувства, и ему показалось, что он был действительно нелепым. Юноша быстро догнал ее и непрерывно давал сигналы рукой Белому Журавлю.

Белый Журавль был с ним старыми друзьями. Не дожидаясь Сюй Южун, он с криком улетел.

Сюй Южун стояла в снегу, она вновь была ошеломлена.

Начиная с двух лет назад, она не могла понять, почему Белый Журавль был настолько близок к Чэнь Чаншэну и относился к нему с такой добротой.

«Что ты тогда сделал с ним?»

Она посмотрела на Чэнь Чаншэна и спросила: «Почему он стал слушать тебя?»

Это был первый раз, когда они говорили об их детстве.

«Я упоминал об этом в письмах, которые мы писали друг другу в детстве, просто ты забыла». Пока Чэнь Чаншэн думал об этом, он чувствовал себя довольно нехорошо, но затем он подумал о том, что только что произошло, и эта потеря настроения превратилась в беспокойство: «Я оговорился мгновением назад, не злись. Просто подумай о тех словах, которые сказал Танг Танг».

‘Слова’, которые здесь упоминались, естественно, были словами Танга Тридцать Шесть, назвавшие его свиньей.

.....

.....

Белый Журавль улетел навсегда, в зимнем лесу не было людей, и он был свободным для прогулок (прим.пер. Это отсылка к поэме «Башня Желтого Журавля», написанной Цуй Хао. Изначальные слова - ‘Журавль скрылся навсегда и не вернется вновь; Плывет по небу череда извечных облаков’).

Снежинки медленно дрейфовали вниз. Чэнь Чаншэн и Сюй Южун под зонтиком прогуливались по уединенному лесу Ортодоксальной Академии.

«Я, Чжэсю и другие все живем здесь», - Чэнь Чаншэн привел ее к краю леса и указал на ближайший дом.

Когда он говорил, он вспомнил, что она навестила Ортодоксальную Академию в ту ночь и даже могла видеть ту сцену в ресторане через улицу. Он объяснил: «Не пойми меня неправильно, в тот день Танг Танг настаивал на том, чтобы затащить меня и Су Моюй туда. Су Моюй однажды был частью Академии Дворца Ли, тридцать третьим на Провозглашении Лазурных Небес, так что ты могла слышать о нем ранее. Сейчас он тоже с нами в академии».

Его слова затрагивали две темы. Он говорил очень спокойно и естественно, а его слова содержали гордость юности, как будто он демонстрировал ей свои достижения.

Вдруг из зимнего леса раздался голос:

«Я знал, что с тобой что-то не так! Не удивительно, что ты даже не коснулся руки той девушки, когда она была у твоей груди той ночью. Как оказывается... у тебя была возлюбленная!»

Когда раздался этот голос, вдруг рассыпалась куча снега и из нее встал Танг Тридцать Шесть.

.....

.....

<http://tl.rulate.ru/book/1222/147021>